

А. С. НИФОНТОВ

СТАТИСТИКА УРОЖАЕВ ПО ВЕДОМСТВУ МВД В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОКОВ И ЭКОНОМИСТОВ XIX в.

Экономика России в XIX в. как аграрной страны определялась состоянием основных отраслей сельского хозяйства и в первую очередь земледелия. Однако история земледелия в нашей стране

---

⁶ Дневник П. А. Валуева. Т. I. 1861—1864. М., 1961, стр. 224.

в целом на протяжении всего прошлого столетия изучена слабо. Разработка ее невозможна без привлечения статистики ежегодных урожаев хлеба по губерниям, которой ведало Министерство внутренних дел. Использование же материалов этой статистики наталкивается на распространенное предубеждение о якобы заведомой их неполноценности.

Таким образом, казалось бы, частный вопрос о степени достоверности официальной статистики урожаев в XIX в. оказывается существенным препятствием дальнейшего изучения основного процесса социально-экономического развития дореволюционной России. Настоящий очерк и преследует задачу проверить основательность распространенного мнения о безоговорочно критическом отношении к правительственной статистике урожаев со стороны современников и экономистов XIX в.

Официальная статистика урожаев в крепостной России издавна вызывала горячие споры. В оценке ее практического значения расходились еще современники. Однако в позднейшей литературе, до наших дней включительно, чаще всего приводились лишь отрицательные мнения об этой статистике.

Следует также отметить, что эти пристрастные оценки подчас заимствуются из вторых рук, чаще всего из монографии А. Фортунатова «Урожай ржи в Европейской России», изданной в 1893 г. Автор этой весьма ценной работы касается и дореформенной статистики урожаев. Уже на первых ее страницах им приводится яркая подборка самых отрицательных отзывов об этой статистике в виде кратких цитат вне общего текста. Исследование самого Фортунатова по сути дела опровергает эти ходовые мнения о несостоятельности определения урожаев в дореформенной России, и в итоге он приходит к иным выводам.

Неосторожность поспешных выводов из подобных свидетельств, переданных Фортунатовым весьма схематично, очевидна. В этом нетрудно убедиться при более внимательном рассмотрении тех же самых мнений, исходя из текста первоисточников.

Начнем с жалоб на недостоверность дореформенной статистики урожаев самих чиновников МВД. Для подтверждения этого Фортунатов приводит изолированно взятую фразу из годового отчета министра за 1834 г.: «Я уже имел случай неоднократно докладывать в. и. в., что сии сведения (о количестве посева и урожая, — А. Н.) весьма неверны, что оные даже не могут быть верны по образу получения их».¹ На первый взгляд сам глава ведомства МВД высказывает здесь решительное сомнение в возможности получения достоверных сведений об урожаях в царской России того времени.

Обратимся к тексту этого отчета, в извлечениях напечатанного в «журнале МВД» за 1835 г. Оказывается, назначенный в 1832 г.

---

¹ А. Фортунатов. Урожай ржи в Европейской России. М., 1893, стр. 13, прим.

министром внутренних дел Д. Н. Блудов (Фортунатов ошибочно приписывает эти слова Перовскому) в своих первых годовых отчетах озабочен был в основном тем, чтобы смягчить впечатление от бедственного неурожая 1833 г. Отметив, что сбор хлебов в отчетном году «был вообще удовлетворительнее», он тут же спешит указать на ненадежность подобных исчислений, допуская тем самым возможность не столь разорительных последствий неурожая. В этой связи министр и обрушивается на существовавший до него порядок определения урожаев. Он выражает уверенность, что разработанные в его ведомстве новые «Правила для статистического отделения при Совете МВД и статистических комитетов в губерниях», утвержденные 20 декабря 1834 г., сразу обеспечат «достовернейшие сведения и по сей важной статье народного хозяйства».²

Как же можно после этого считать, что министр внутренних дел опорочивал всю дореформенную статистику урожаев? Блудов попросту занимал типичную для сановного бюрократа позицию: критиковал порядки, существовавшие при его предшественнике, и стремился в выгодном свете представить свою собственную деятельность. Как видим, ссылка в данном случае на свидетельство составителей отчета по МВД за 1834 г. явно несостоятельна.

А. Ф. Фортунатов называет и других видных чиновников разных ведомств, которые в 40—50-х годах XIX в. также высказывали сомнения в надежности исчисления урожаев хлеба в крепостной России. Количество их может быть при желании умножено. Однако, критикуя такие данные, и эти лица исходили обычно из предвзятых и подчас весьма произвольных предположений.

Так, Д. П. Журавский в брошюре «Об источниках и употреблении статистических сведений», увидевшей свет в 1846 г., все сведения о посеве и сборе хлебов в помещичьих имениях объявляет заведомо неполными. Он безоговорочно утверждает, что крепостные крестьяне и масса мелкопоместных дворян как правило скрывают действительную доходность своих хозяйств. К тому же он считает, что вся крепостная челядь систематически обкрадывает своих помещиков. Исходя из таких огульных предположений, он приходит к выводу: «Нынешнее знание нашей отечественной земли и ее производительности есть только при мерное, как и самые сведения, от которых они происходят».³

Другими причинами объясняет недостаточность официальных сведений об урожаях Л. В. Тенгоборский в своем известном сочинении «О производительных силах России». В первой его части, изданной в 1854 г., заниженность таких сведений признается типичным недостатком земледельческой статистики всех стран того времени. Правда, Тенгоборский предполагает большую неточность

² Журнал МВД, ч. XVII, 1835, стр. 244.

³ Д. П. Журавский. Об источниках и употреблении статистических сведений. Киев, 1846, стр. 120.

при определении размера урожая хлеба в России. Но причину того он усматривает в трудностях получения верных данных об урожае в столь обширной стране. По его мнению, цифра официально устанавливаемого у нас сбора хлебов должна быть повышена примерно на 10%.⁴

Исходя из иных соображений критикует правительственные сведения об урожаях К. С. Веселовский в статье «Несколько данных для статистики урожаев и неурожаев в России», напечатанной в 1857 г. Он утверждает, что такого рода сведения не могут быть обоснованными, поскольку не только крестьяне, но и рядовые помещики не учитывают точного количества ни посева, ни сбора зерна. Для доказательства этого он приводит совершенно различные показатели средних урожаев за 1842—1853 гг. по 17 губерниям на основании кадастровых сведений и по отчетам палат МГИ. Наиболее надежными он признает данные об урожаях по многолетним записям в отдельных имениях. Но тут же оговаривается, что в силу ряда обстоятельств эти частные случаи «могут быть совершенно иные, чем у соседей, или в целом уезде или губернии».⁵

Особые мотивы для доказательства несостоятельности существовавшей тогда в России статистики урожаев выдвинул в 1860 г. князь Н. С. Голицын в статье «О мерах к устройству статистических источников и работ в России». Исходный порок такой статистики он усматривал в получении первичных сведений об урожаях при помощи земской полиции. Полицейские власти, по его мнению, рассматривали эту обязанность как второстепенную и относились к ней крайне халатно: заполняли бланки готовых форм «сплеча... большею частью наугад, примерно, приблизительно». По словам Голицына, губернские статистические комитеты также «в неудовлетворительном состоянии» и иногда существуют «только по имени». В итоге он приходил к выводу: «... что бы ни говорили, как бы ни смягчали горькой правды, а нельзя не сознаться, что состояние статистики у нас, в настоящее время, самое плачевное».⁶

Наконец, к числу чиновных критиков дореформенной статистики урожаев можно отнести и П. А. Валуева. В самом начале 1861 г., еще будучи управляющим делами Комитета министров, он издевался над косностью мышления графа Гурьева, который де может не сомневаться «в верности цифр посевов и урожаев, заимствованных из официальных отчетов».⁷ Через несколько лет, уже как министр внутренних дел, в сводном отчете за 1861—1863 гг. по МВД он осторожно оговаривался, что данные о посевах «имеют у нас весьма условное значение». Но тут же, на осно-

⁴ Л. В. Тенгоборский. О производительных силах России, ч. I. М., 1854, стр. 198—199.

⁵ Журнал МГИ, ч. LXII (кн. 1), 1857, стр. 26—37.

⁶ Журнал МВД, 1860, кн. 3, стр. 9—15.

⁷ Дневник П. А. Валуева. Т. I. 1861—1864. М., 1961, стр. 58.

вании официальных данных за три отчетных года, отмечал увеличение сбора хлеба благодаря хорошим урожаям, несмотря на значительное сокращение посевов помещиками.⁸

Нетрудно заметить, что приведенные суждения о дореформенной статистике урожаев основаны на самых общих утверждениях, нередко противоречивы и едва ли могут быть признаны доказательными. Оба министра внутренних дел, считая официальные цифры урожаев в крепостной России условными, ограничивались указанием на нечеткость работы ведомственного аппарата. Отличие между ними состояло лишь в том, что Блудов выражал уверенность в исправлении этих недостатков с середины 30-х годов XIX в. путем очередных административных распоряжений, Валуев же не видел улучшений и в начале 60-х годов. Журавский и Тенгоборский единодушно утверждали, что сведения об урожаях хлебов в России занижены. Но первый объяснял это повсеместным утаиванием помещиками и крестьянами их действительных доходов. А второй усматривал в этом обычный недостаток земледельческой статистики того времени, признавая его лишь несколько большим для России. Веселовский и Голицын ставили под сомнение обоснованность исходных данных об урожаях, но также расходились при объяснении порождавших это причин. Веселовский указывал на отсутствие точных данных о посевах и сборе хлебов не только в крестьянских, но и в помещичьих хозяйствах. Голицын в свою очередь считал несостоятельным порядок сбора первичных данных об урожае через полицию.

Для доказательства неполноценности определения урожаев в крепостной России нередко ссылаются на обследования хозяйственного положения губерний в середине XIX в. офицерами Генерального штаба. Эти данные также используются в таких случаях недостаточно полно и толкуются односторонне. Тот же А. Ф. Фортунатов в упомянутой выше работе отмечает в них только «неблагоприятный отзыв о статистической деятельности русских станových». Он ограничивается крайне лапидарным цитированием подобранных под этим углом зрения отдельных фраз по отношению к некоторой части губерний.⁹ Ни общей характеристики этого источника, ни контекста приведенных из него цитат при этом не дается.

Результаты экспедиционных исследований, предпринятых Генеральным штабом царской России в 50-х—60-х годах XIX в., опубликованы в серии «Материалы для географии и статистики России». Она состоит почти из 30 книг, вышедших в свет в период 1860—1868 гг. и содержащих довольно подробное освещение природных условий, состава населения и хозяйственных ресурсов 21 губернии Европейской России. Однако в них нет сведений по

⁸ ЦГИА СССР, ф. 908, д. 21, лл. 289—290.

⁹ А. Фортунатов. Урожай ржи в Европейской России, стр. 28.

пяти центрально промышленным губерниям, по четырем центрально черноземным губерниям, по пяти коренным губерниям Украины и т. д. Ограниченность основанных на них выводов очевидна.

Тем более, конечно, недопустимы обобщающие заключения, подкрепленные выхваченными из текста фразами, относящимися к произвольно взятым губерниям. При использовании данной серии для суждения о статистике дореформенных урожаев необходимо: 1) учитывать свидетельства обследователей по всем 21 губерниям, 2) брать в расчет их соображения о степени точности такой статистики и об определяющих ее причинах.

И вот получается, что по Архангельской, Казанской, Калужской, Ковенской, Лифляндской и Пермской губерниям материалы официальной статистики урожаев принимаются безоговорочно.¹⁰ По Курляндской и Рязанской, а также по области войска Донского в них вносятся лишь некоторые уточнения.¹¹ По Гродненской, Екатеринославской, Костромской, Пензенской и Херсонской губерниям отношение к этим данным противоречиво.¹²

По сути дела только по семи губерниям из двадцати одной (Воронежская, Виленская, Минская, Симбирская, Смоленская, Черниговская и Бессарабская) в тексте обзоров по Генеральному штабу более или менее последовательно отрицается достоверность общепринятых цифр по статистике урожаев,¹³ но считать мнение составителей лишь последних семи обзоров в этом отношении типичным нет никаких оснований.

Еще более важно, что исходные положения критических отзывов в упомянутых обзорах вызывают серьезные сомнения. При всей пестроте приводимых при этом мотивов в них различаются две основные тенденции. Одна из них характерна для черноземных губерний, средние урожаи в которых, по материалам МВД, объяв-

¹⁰ Н. Козлов. Архангельская губерния. СПб., 1865, стр. 142—143; М. Лаптев. Казанская губерния. СПб., 1861, стр. 270—272; М. Поприцкий. Калужская губерния. СПб., 1864, стр. 460; Д. Афанасьев. Ковенская губерния. СПб., 1861, стр. 376; Ф. Веймарн. Лифляндская губерния. СПб., 1864, стр. 365, 461; А. Мозель. Пермская губерния, ч. 2. СПб., 1864, стр. 40, 43.

¹¹ А. Орановский. Курляндская губерния. СПб., 1862, стр. 227; М. Баранович. Рязанская губерния. СПб., 1860, стр. 188—189; Н. Краснов. Земля войска Донского. СПб., 1863, стр. 165.

¹² П. Бобровский. Гродненская губерния, ч. 2. СПб., 1863, стр. 44, 59; В. Павлович. Екатеринославская губерния. СПб., 1862, стр. 60, 73, 134; Я. Крживоблоцкий. Костромская губерния. СПб., 1861, стр. 217, 220; Сталь. Пензенская губерния, ч. 1. СПб., 1867, стр. 427, 430; А. Шмидт. Херсонская губерния, ч. 2. СПб., 1863, стр. 12—14, 63.

¹³ В. Михалевич. Воронежская губерния. СПб., 1862, стр. 77, 196; А. Корева. Виленская губерния. СПб., 1860, стр. 443; И. Зеленский. Минская губерния, ч. 2. СПб., 1864, стр. 14; Липинский. Симбирская губерния. СПб., 1868, стр. 336, 400; М. Цебриков. Смоленская губерния. СПб., 1862, стр. 193; М. Домонтович. Черниговская губерния. СПб., 1865, стр. 184; А. Защук. Бессарабская область. СПб., 1862, стр. 230.

ляются неправдоподобно низкими, исходя из потенциально высокого плодородия местных почв, могущих давать высокие сборы хлебов. Но только отдельные авторы упоминают, что повышенные урожаи там весьма нерегулярны и обязательно требуют благоприятных погодных условий. При этом они не замечают шаткости своего основного утверждения.¹⁴ Вторая тенденция, обычно в обзорах по нечерноземным губерниям, считает средние урожаи преуменьшенными по соображениям несоответствия их потребностям губернии в хлебе, обычно покрываемым за счет его местного производства. Спорность подобных утверждений иногда становится ясной из тут же приведенных цифровых исчислений. Так, например, норма душевого потребления картофеля автором обзора по Виленской губернии принимается в два раза большей, чем такая же норма в обзоре по смежной Гродненской губернии.¹⁵

Касаясь причин неточности сведений об урожаях по отдельным губерниям, составители обзоров обычно лишь повторяют сказанное их современниками. Автор обзора по Минской губернии подполковник И. Зеленский прямо ссылается на брошюру Д. П. Журавского.¹⁶ Другие офицеры Генерального штаба пишут о формальных донесениях об урожаях местной полиции, о голословных сообщениях на эту тему предводителей дворянства, о плохой организации работ в губернских статистических комитетах и т. д.¹⁷

Итак, представление о том, что свидетельства современников о недостоверности статистики урожаев в крепостной России якобы обоснованы и должны иметь серьезное значение, оказывается крайне сомнительным. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что они носят чрезмерно общий характер, исходят из произвольных утверждений, отличаются противоречивостью и шаткостью итоговых заключений. К тому же подобные суждения и в свое время были далеко не столь единодушны, как то склонны представлять иногда сейчас. Наглядным подтверждением того может служить расхождение в оценке официальной статистики урожаев среди офицеров Генерального штаба.

Далеко не всегда точно излагаются мнения по данному вопросу экономистов и статистиков второй половины XIX в. Нередко они также выступают противниками использования дореформенной статистики урожаев. Искажение их точки зрения особенно опасно, так как подкрепляет одностороннюю оценку материалов об урожайности авторитетом известных ученых того времени — П. П. Семе-

¹⁴ Н. Краснов. Земля войска Донского, стр. 250, 263; В. Павлович. Екатеринославская губерния, стр. 73, 60; А. Шмидт. Херсонская губерния, ч. 2, стр. 14; В. Михалевич. Воронежская губерния, стр. 196.

¹⁵ А. Корева. Виленская губерния, стр. 450; П. Бобровский. Гродненская губерния, ч. 2, стр. 54.

¹⁶ И. Зеленский. Минская губерния, ч. 2, стр. 120, 126.

¹⁷ М. Цебриков. Смоленская губерния, стр. 193; А. Зашук. Бессарабская область, стр. 203—233; М. Домонтович. Черниговская губерния, стр. 183; И. Зеленский. Минская губерния, ч. 2, стр. 14.

нова, И. И. Вильсона, Ю. Э. Янсона и др. Кстати, и в данном случае взгляды этих ученых нередко передаются со слов того же А. Фортунатова.¹⁸

Но Фортунатов умалчивает, например, что П. П. Семенов, отвергая данные МВД, был весьма далек от огульного отрицания всех материалов по статистике урожая в современной ему России. Он признавал объективную вероятность исчисления как посева, так и сбора хлебов на землях, подведомственных МГИ.¹⁹

Крайне схематично и односторонне изложена у А. Фортунатова также точка зрения на статистику урожаев в России И. И. Вильсона, автора «Объяснений к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России», выдержавших в 50-х—60-х годах XIX в. несколько изданий. Фортунатов лишь бегло упомянул имя этого видного в свое время экономиста в ряду тех лиц, которые «считали волостные сведения на 10—15% ниже истины».²⁰ Ограничиться, говоря о Вильсоне, этим в лучшем случае равносильно умолчанию. В последних изданиях названного труда имеется специальный раздел, посвященный разбору официальных данных о средних урожаях за 1857—1863 гг. В нем рассматривается достоверность этих показателей для разных губерний, предлагаются к ним в отдельных случаях существенные поправки, определяется круг вопросов, которые могут быть решены на основании средних показателей урожайности за 50-е—60-е годы XIX в. и дается итоговая оценка их соответствия действительности.

Начинает Вильсон с указания на недостатки исчисления на местах средних урожаев (неизвестны размеры запашки, нет точных приемов сбора первичных данных) и замечает, что официальные сведения об урожаях «можно принимать только с крайнею осторожностью». Но вслед за тем он сразу оговаривается, что в основе таких сведений все же лежат конкретные показатели — «комиссии народного продовольствия соображали свои показания... по крайней мере с пространством пахотной земли вообще, с показаниями некоторых землевладельцев, со степенью урожая каждого года и т. п.». И Вильсон приходит к заключению, что «при одинаковости приемов собирания сведений об урожаях в одной и той же губернии в продолжение нескольких лет, в этих сведениях должны непременно заключаться элементы для сравнения степени урожайности по отдельным годам». Он признает имеющиеся сведения об урожаях по губерниям за семилетний период вполне достаточными «для средних выводов».

Абсолютные цифры посева и сбора хлебов Вильсон ставит под сомнение. Он исключает также сопоставление средних урожаев по разным губерниям, считая их несоизмеримыми. В частности, ему

¹⁸ А. Фортунатов. Урожай ржи в Европейской России, стр. 13, 28.

¹⁹ Статистический временник Российской империи, сер. I, т. 1. СПб., 1866, предисл., стр. XXIII.

²⁰ А. Фортунатов. Урожай ржи в Европейской России, стр. 29.

кажется, что эти показатели сильно преуменьшены для всех черноземных местностей. Ссылаясь на доводы некоторых авторов военно-хозяйственных описаний губерний в «Материалах для географии и статистики России», Вильсон совершенно произвольно повышает средние урожаи в черноземных губерниях центра, Поволжья, Украины и Причерноморья в пределах от сам-5 до сам-7. Не касаясь сейчас спорности столь смелых «исправлений» статистики урожаев, можно отметить, что они решительно противоречат конечной итоговой оценке самого Вильсона: «Официальные данные об урожаях при всех их недостатках не сочиняются наобум, как некоторые думают, а соотносятся с действительностью, иначе не могло быть такого совпадения показаний по отдельным годам по разным губерниям.²¹

Суждения о статистике урожаев Ю. Э. Янсона, известного ученого статистика последних десятилетий XIX в., А. Фортунатов передает не столь тенденциозно. Но все же создается впечатление, что и он (Янсон) обращает внимание преимущественно на недостоверность исходных данных об урожаях.²²

Однако точка зрения Янсона очень определена. «Мы держимся вообще того мнения, — писал он, — которое найдет себе подтверждение в последующем изложении, — что наши материалы о посевах и даже сборах вовсе не так худы, т. е. не точны, как обыкновенно думают те, которые вообще нашу официальную статистику считают никуда непригодной». Янсон, как видим, выступает против огульного отрицания точности официальных данных не только о посевах, но и о сборах хлебов и считает их вполне пригодными для обоснованных заключений. И действительно, в последующем за этим исходным положением он с успехом пользуется данными официальной статистики урожаев, в частности для сравнительного исчисления чистого сбора хлеба на одного человека в России и в других европейских государствах. При этом еще раз отмечается достаточная точность абсолютных показателей статистики урожаев в России. Вычислив душевое потребление хлеба в России, во Франции, Швеции, Англии и Норвегии, Янсон пишет: «Сопоставления эти приводят к тому заключению, что если наши официальные цифры сборов ниже действительных, то на величину сравнительно незначительную, могущую делать разницу в дробях гектолитра на одного человека».²³

Особое место в литературе вопроса занимает малоизвестная среди историков работа Л. И. Грасса «Записка об учреждении Общества для страхования сельскохозяйственных посевов от неурожаев», опубликованная в 1890 г. Она была написана с приклад-

²¹ И. Вильсон. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. Изд. 4, СПб., 1869, стр. 75, 76, 80—85, 95.

²² А. Фортунатов. Урожай ржи в Европейской России, стр. 5, 29.

²³ Ю. Э. Янсон. Сравнительная статистика России и Западноевропейских государств, т. II, отд. I. СПб., 1880, стр. 413—414, 416.

ной целью — установить возможность страхования посевов хлеба в России на основании официальных данных об урожаях с середины 50-х годов до конца 80-х годов XIX в. Для этого автор использовал за 1857—1866 гг. сведения по МВД, основанные на ежегодных губернаторских отчетах, за 1870—1877 гг. — материалы Центрального статистического комитета и за 1883—1889 гг. — Департамента земледелия.

Специально останавливаясь на разборе сообщений об урожаях в губернаторских отчетах за 50-е—60-е годы, Грасс признает их вполне пригодными для суждения о динамике урожайности в Европейской России за эти годы и пишет: «Проверенные более точными наблюдениями последующих лет, выводы эти приобретают еще большую цену». По его мнению, вполне закономерно по этим материалам официальной статистики урожаяев решение следующих вопросов: 1) в скольких губерниях в каждом году данного десятилетия урожай озимых и яровых хлебов были хорошими, средними и плохими; 2) сколько было за это десятилетие в каждой губернии годов с урожаями озимых и яровых хлебов хорошими, средними и плохими; 3) как велики пределы колебаний средних урожаяев за отдельные годы по каждой губернии.

После сравнительного изучения материалов об урожаях в России за три названных периода по трем разным источникам Грасс находил все основания использовать для решения поставленной им задачи также сведения о том по ведомству МВД. «Для отдельных губерний, — считает он, — мы можем ввести в эти ряды и данные за десятилетие 1857—1866 гг. (в общей форме колебаний урожая «озимых» и «яровых»), так как данные о степени урожая в форме „сам-сколько“ имеются и за этот период».

Подводя итоги рассмотренной им официальной статистики урожаяев на протяжении 50-х—80-х годов, Грасс считает периодичность смены урожайных и неурожайных лет в России вполне обоснованной: «Настоящим исследованием мы сделали первый опыт, чтобы доказать возможность страхования посевов, несмотря на то, что мы, как видно из „Записки“, относились весьма критически к тем материалам, на которых имеющиеся в приложении таблицы построены».²⁴

Наиболее обстоятельно статистика урожаяев в России за прошлое столетие рассмотрена в специальном исследовании А. Ф. Фортунатова «Урожай ржи в Европейской России». В нем большое место отведено изучению методики и техники исчисления урожаяев на протяжении всего XIX в. и дана развернутая оценка степени надежности средних урожаяев хлеба (на примере озимого) в материалах губернаторских отчетов.

---

²⁴ А. И. Грасс. Записка об учреждении Общества для страхования сельскохозяйственных посевов от неурожая. Казань, 1890, стр. 10, 25, 48, 55.

Вслед за Грассом Фортунатов изучает вопрос об урожаях ржи за XIX в. на основании разных источников: 1) ежегодных губернаторских отчетов, 2) сводок Центрального статистического комитета, 3) данных Департамента земледелия, 4) конкретных многолетних записей по отдельным имениям. Касаясь материалов комиссий народного продовольствия, лежащих в основе показателей об урожаях в губернаторских отчетах и в сводках МВД, он отмечает их «незаслуженно низкую репутацию».

Видимо, для подтверждения того, насколько широко это предубеждение распространено, Фортунатов сразу же, в начале своего труда, и приводит сводку в основном отрицательных суждений о правительственной статистике урожаяев. Не разделяя их по существу, он передает их не всегда точно, в нарочито заостренной форме, как бы ярче формулируя тезис, опровергаемый затем последующим содержанием его исследования.

Официальные сведения об урожаях озимого по материалам МВД Фортунатов подвергает детальному разбору. В конечном счете он приходит к следующему заключению: «Таким образом, при грубых хронологических сравнениях все четыре источника дают результаты, согласные между собою; три источника (в том числе губернаторские отчеты, — *А. Н.*) сходятся при несколько более тонких сравнениях. Особенно любопытна взаимная близость наименее конкретного источника — губернаторских отчетов, опирающихся на догадки волостных правлений, с наиболее конкретными, с действительными погодными записями об урожаях в частных хозяйствах. Закон больших чисел оказывается настолько могущественным, что относительное выражение громадной массы догадок сближается с относительным выражением сравнительно небольшого числа точных наблюдений».²⁵

Итоговый вывод крупнейшего специалиста по данному вопросу о фактическом совпадении данных официальной статистики урожаяев с конкретными многолетними записями об урожаях крайне убедителен. Он, в частности, решительно противоречит мнению тех исследователей, которые отрицают как раз практическую пригодность казенной статистики урожаяев и опираются притом, по явному недоразумению на авторитет Фортунатова.

Как видим, экономисты и ученые статистики также были далеки от того, чтобы отрицать всякую достоверность официальной статистики урожаяев в России по ведомству МВД. Относясь к ним критически после сравнения их с такого же рода позднейшими данными (Центрального статистического комитета и Департамента земледелия), а также с конкретными многолетними записями посева и сбора хлебов по отдельным хозяйствам, они приходили к выводу, что сведения об урожаях из губернаторских отчетов вполне

---

²⁵ А. Фортунатов. Урожай ржи в Европейской России, стр. 48, 62.

могут быть использованы для изучения общего направления развития сельского хозяйства России в XIX в.

Свидетельства современников, как и суждения экономистов и статистиков XIX в., не дают достаточных оснований игнорировать материалы официальной статистики урожаев МВД как исторический источник. Ходовые ссылки на специально подобранные отрицательные о ней мнения, которые обычно цитируются в литературе в первую очередь, явно тенденциозны. Они не могут считаться убедительными.

Степень точности материалов официальной статистики урожаев по МВД не должна, разумеется, переоцениваться. Как любой исторический источник, они подлежат тщательной критической проверке. При этом могут быть использованы подобного рода материалы об урожаях на землях других ведомств (МГИ и уделов), а также свежие архивные данные об урожаях, хранящиеся не только в центральных, но и в местных архивах. Такое изучение может явиться предметом специального исследования.
